

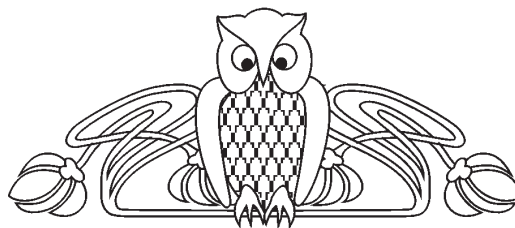

- istoricheskoy evolutsii* (Russia's political elite. Milestones in the history of evolution). Moscow, 2006. 446 p.
3. Machiavelli N. *Principe*. Milan, 2011. 146 p. (Russ. ed.: Machiavelli N. *Gosudar*. Moscow, 1998. 656 p.).
 4. Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse*. Berlin, 1971. 296 p. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla*. Moscow, 2001. 848 p.).
 5. Pareto V. *Le traite de sociologie generale*. Paris, 1933. 565 p. (Russ. ed.: Pareto V. *Istoriya – kladbishche elit. Politicheskaya mysl*. Perm, 2000, pp. 38–50).
 6. Gadamer H.-G. *Das Erbe Europas* (The European heritage). Frankfurt/M., 1995. 175 S.
 7. Sartori G. *The Theory of democracy revised*: in 2nd parts. Princeton, 1987. Part 1. 253 p. (Russ. ed.: Sartori G. *Vertikalnaya demokratiya. Politicheskie issledovaniya*, 1993, no. 2, pp. 80–89.).
 8. Lomako O. *Transformatsiya vlasti v bolshom gorode: genealogiya i analitika* (Transformation of power in the big city: the genealogy and analytics). *Vlast* (Power), 2014, no. 3, pp. 48–51.

УДК 111.1+101.2+929 Аристотель

ФОРМА, ИНТЕЛЛЕКТ И ТЕЛЕОЛОГИЯ В АРИСТОТЕЛЕВСКОМ УЧЕНИИ ОБ ИСТИНЕ

Косыхин Виталий Георгиевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается классическая аристотелевская концепция истины как соответствия познания познаваемому предмету. В рамках этой концепции демонстрируется сложная структура истины как состоящая из логического, метафизического и каузального аспектов. Понятие истины выявляется через анализ взаимосвязи этих аспектов внутри целостной картины философии Аристотеля. Подчеркивается связь истины с категориями логики, с понятием сущности как единства материи и формы, с учением Аристотеля об уме и божественном уме. В статье подвергаются критике взгляды Ф. Brentano, его аналогичский подход к аристотелевскому понятию истины. Выявляется значение учения о причинах и телеологии для понимания места истины в философии Аристотеля.

Ключевые слова: истина, сущность, ум, причина.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-151-155

Хотя понятие истины является основополагающим для понимания аристотелевской философии, оно, будучи хорошо исследованным, тем не менее до сих пор своей многоаспектностью вызывает споры и неоднозначные толкования. В первую очередь, Аристотель известен как основоположник классической теории истины, которая формулируется очень четко в средневековом выражении *veritas est adaequatio intellectus et rei*, что означает: истина есть соответствие мышления познаваемой им вещи, или, в более широкой трактовке, когда вещь, познаваемая умом, и ум совпадают, т.е. когда ум не обманывается насчет познаваемой им вещи, перед нами имеет место истина.

Но, конечно, это не отражает в полной мере всю интенцию мышления Аристотеля. Учение

Аристотеля об истине и его теория истины более масштабны и глобальны. Приведенная формулировка отражает лишь один из ее аспектов, хотя и принципиальный, ведь по нему можно судить об аристотелевском понятии истины, но все-таки нуждающийся в дополнительных уточнениях, потому что «соответствие нашего мышления познаваемому предмету» лишь на первый взгляд звучит понятно и доступно, пока мы не зададимся вопросом, а что такое *rei* как та самая вещь, которую мы познаем, что такое ум, который эту вещь познает, и в чем состоит соответствие между ними. Когда мы зададимся подобным вопросом относительно значения *rei*, *intellectus* и *adecvatio* в их латинской интерпретации, тогда выйдем на более серьезную, глубинную проблематику учения Аристотеля об истине.

Проблематичность понятия истины у Аристотеля подчеркивается многими исследователями его трудов, делая возможными трактовки классического понимания истины как в эмпирическом, так и в умоглядном ключе. Еще Ф. Brentano в своей основополагающей для современных интерпретаций аристотелевского наследия работе «О многозначности сущего по Аристотелю» указывал на противоречивость собственной позиции мыслителя в данном вопросе. Согласно Brentano, если в одних местах своих сочинений «Аристотель решительно утверждает, что суждение является единственным носителем истины и лжи, и столь же решительно отказывает в причастности к ним как вещам за

пределами ума, так и понятиям, не находящимся в связи с другими понятиями, то в других местах он утверждает, по-видимому, прямо противоположное» [1, с. 33]. Разрешить это противоречие Brentano считает возможным, исходя из предположения, что термин «истина» используется Аристотелем в различных смыслах, соотносимых по аналогии. Так, если в основном смысле понятие истины применимо к суждениям разума, то в дополнительном смысле оно прилагается, по способу аналогии, к чувственным способностям или даже самим вещам. Как говорит Brentano, «имя истины присуще в первую очередь истинному суждению, но переходит затем и на понятие, и на чувственное представление, и на внешние вещи, ибо все они находятся с ним в тесном отношении. Ведь истинность наших суждений зависит, как мы видели, именно от действительности» [1, с. 43]. Это не мешает Brentano говорить о единстве аристотелевского учения об истине, где противоречия являются таковыми только по видимости, отражая различные аспекты понятия истины у Аристотеля.

Соглашаясь с Brentano в том, что «основное понятие истины остается всегда понятием соответствия познающего духа и познаваемого предмета» [1, с. 46], в целом многоаспектность истины у Аристотеля подчиняется основному значению истины как соответствия, отметим ряд недостатков в позиции Brentano. Его аналогический подход никак не связывает понятие истины с целостностью аристотелевской метафизической концепции, делая непонятной связь между внешними вещами (действительностью для Brentano) и умом (действительностью для Аристотеля).

В данной статье мы попытаемся показать, что наиболее адекватное понимание аристотелевского учения об истине возможно не с аналогической, а с телеологической точки зрения, определяющей стиль аристотелевского мышления в целом. Латинская формулировка понятия истины взята нами за основу потому, что аристотелевское учение в Средние века было кодифицировано, став ядром интерпретации мироздания в поздней схоластике. Тогда же складывается представление о классическом или образцовом понятии истины, данном в работах Аристотеля. Со времен Фомы Аквинского, т.е. с XIII в. аристотелизм становится господствующим философским мировоззрением в средневековой Европе, что в той или иной степени сохраняется до XVII в., когда он сменяется новым учением об истине, которое было сформулировано Декартом и его последователями. Но нас в рамках данной статьи интересует именно аристотелевская теория истины с ее тонкостями и проблемами.

Итак, поскольку речь идет о мышлении (*intellectus*), которое постигает истину, следует иметь в виду, что Аристотель создал учение об этом мышлении, о формах этого мышления – формальную логику. Поэтому под мышлением имеется в виду, в первую очередь, мышление, которое мыслит логически, по определенным правилам и законам. Аристотель сформулировал три закона формальной логики: учение о понятиях, суждениях, об умозаклчениях, о силлогизмах. За две с половиной тысячи лет своего существования эта логика практически мало изменилась. Именно аристотелевская логика была тем фундаментом, на котором в дальнейшем надстроены математические операции. И современная математическая логика, которая сегодня существует наряду с формальной, является определенным видоизменением логики аристотелевской.

Важным логическим свойством истины в теории Аристотеля является ее непротиворечивость. Это логический критерий истины: об одном и том же мы не можем сказать два взаимно противоречащих утверждения. Мы не можем сказать, что это телефон и слон одновременно и в одном и том же смысле, мы не можем сказать, что человек и есть, и нет. В данном случае всегда нужно уточнять: либо А, либо Б, и третьего не дано: либо одно, либо другое. Аристотель требует определенности суждения об истине. Истина для логики – это не что-то где-то туманное, она очень четко формально определена, постоянна, неизменна и подвержена определенным логическим критериям и процедурам.

Помимо формального логического измерения теория истины Аристотеля погружена в измерение содержательное – метафизическое. Для метафизического понимания истины характерна опора на неизменное, сохраняющееся, постоянное, вечное бытие. Истина в метафизике – это не то, что может изменяться. Когда мы считаем, что сегодня это так, а завтра будет иначе, мы имеем дело с чем угодно, но не с истиной. Истина всегда сохраняется неизменной. Как пишет Аристотель, «не имеет смысла судить об истине на том основании, что окружающие нас вещи явно изменяются и никогда не остаются в одном и том же состоянии. Ибо в поисках истины необходимо отправляться от того, что всегда находится в одном и том же состоянии и не подвергается никакому изменению» [2, с. 282]. Мы не говорим об истине, если думаем, что она будет меняться, мы не говорим об истине, если думаем, что она будет развиваться. Это так называемые метафизические критерии истинности. Для Аристотеля истина статична, она всегда остается доступной для познания. Статичное здесь понимается не в

отрицательном смысле, а как утверждение неизменности истины. Ведь если мы считаем, что дважды два четыре верно только для нас, а для кого-то это неверно, либо мы считаем, что «дважды два четыре» верно сегодня, а завтра неверно, то это положение не может с точки зрения метафизического критерия претендовать на истину. Истинность – это то, что истинно всегда, везде и для всех. С этим вроде бы мог согласиться и Платон, но в данном случае Аристотель несколько модифицирует и мысль Платона, переводя динамичность диалектического созерцания на статичный уровень метафизического усмотрения и анализа сущности. Вот что в целом характерно для позиции Аристотеля: истину мы должны искать там, где ничего не меняется, т.е. не в бытии, но в мышлении.

И здесь возникает очень важный вопрос: каким же образом наш ум, который подвижен, пронизан временем, который живет и умирает, может постигать истину, которая вечна и неизменна? Ответ аристотелевской «Метафизики» состоит в выдвигании концепции бессмертного по своей природе ума. Аристотель, в отличие от Платона, у которого было учение о бессмертной душе, полагает, что душа в целом смертна, но бессмертен ум. Именно это свойство ума и позволяет ему усматривать вечные и неизменные истины. Вместе с тем было бы неправильно чрезмерно интеллектуализировать теорию познания у Аристотеля, который, в отличие от Платона, был все-таки не столько математиком, сколько эмпириком, и поэтому у него имелась тенденция гармонизировать соотношение разума и чувственного опыта. По Аристотелю, разум является последним критерием, последним, кто судит об истине, но тем не менее мы не должны, в отличие от того, что говорил Платон, полностью абстрагироваться от того, что нам говорят чувства. Мы должны опираться и на разум, и на чувства, и вот здесь Аристотель говорит, что та вещь (*rei*), о которой шла речь в приведенной в начале статьи формулировке истины, это единичная вещь. У Платона истина вещей пребывает как их общее понятие, идея, т.е. мы приближаемся к истине через проникновение в идеальный мир общих понятий. Аристотель вместо идеи вводит понятия формы и сущности. Вещь (*res*) – относительно которой отсчитывается истина – это, по сути дела, либо то, что есть (*ti esti*), либо сущность (*ousia*). Мы говорим о сущности, когда мы мыслим предмет не таким, каким он был вчера или неделю назад, или каким он будет, а каким он есть всегда. Истина (*aletheia*) направлена на раскрытие сущности (*ousia*). Такая истина опирается на свойство разума собирать из множества

частностей нечто единое. Истина открывается в логически правильно построенной речи как высказывание, раскрывающее сущность. Категория сущности у Аристотеля характеризует не вещи вообще, а конкретную индивидуальную вещь, которая обладает двумя качествами: материей и формой. Здесь Аристотель вводит еще один аспект в многомерное понятие истины: говоря об истине, мы говорим о единичной вещи (*res*) как о сущности, которая постигается через материю и форму.

По Аристотелю все, что есть (*ti esti*), состоит из единства двух вещей – материи (*hyle*) и формы (*morphe*) – и, соответственно, его познание должно учитывать материальные и формальные критерии. Но что, по Аристотелю, представляет собой материя? Здесь не следует понимать, что материя – это просто нечто такое материальное, а форма – это то, что придает материи форму. Форма играет главную роль. Наш ум устроен так, что мы понимаем истину как единство формы и материи в настоящем времени. Форма (*morphe*), по Аристотелю, есть не что иное, как определение – то, чем является вещь. А материя (*hyle*) есть некая субстанция или среда, из которой эта вещь состоит. Но в данном случае имеется в виду следующее: через определение вещи мы указываем на ее форму. Форма – это не что иное, как синоним сущности (*ousia*), в том виде как она дана в уме. Там форма и сущность есть одно и то же, поэтому логика Аристотеля – формальная. В своих построениях ум отвлекается от материи, действие ума формально. Чем отличается действие тела от действия ума? Действия тела направлены на объекты, которые, собственно, материальные объекты, но ум всегда судит согласо формам, которые нематериальны.

Форма представляет собой некое описание сущности вещи. Когда мы говорим, что, допустим телефон, является устройством для того-то и того-то, мы указываем на его форму. Или когда мы говорим, человек – это то-то и то-то, мы указываем на его форму. Мы не говорим при этом, из чего состоит человек, мы указываем на его форму как на сущность, заключенную в понятии «человек». В данном случае этот формальный критерий для Аристотеля чрезвычайно важен. Когда речь заходит об истине в пространстве логики, то в ней существует три формы мышления: понятие, суждение и умозаключение. Любое понятие – это форма, суждение – форма и умозаключение – тоже форма. Знание, в первую очередь, имеет дело с понятиями. Если из головы убрать все понятия, о каком знании может идти речь? Тогда исчезнет всякое познание того, что есть (*ti esti*), исчезнет сущность (*ousia*), исчезнет определен-

ность, исчезнет любое представление о чем-то. Исходя из этого, становится понятным, почему аналогический подход Brentano, считающий допустимым рассуждать об истине самих вещей вне мышления, попросту говоря, неверен. Поэтому Аристотель и полагает, что нечто становится познаваемым лишь в понятии о нем. Понятие же есть не что иное, как форма, которая заключает в себе все самое существенное, что есть в предмете. Допустим, мы попытаемся понять, что такое лошадь или что такое Луна. В этом случае мы не имеем дело с восприятием ощущений Луны или лошади. Наш ум оперирует чисто формальными понятиями. Когда мы делаем высказывания, суждения, они также обладают формальностью, но уже непосредственно связанной с истиной. Они либо соответствуют (*adaequatio*) ей, либо не соответствуют. В одном случае мы говорим, что это истинно, а в другом случае, что это ложно.

Хотя, кажется, мы говорим о познании отдельных вещей, тем не менее в этих вещах мы постигаем их существенные свойства. На самом деле, вне мира понятий мы и можем только сказать, что «это есть это». Но даже «это» – тоже понятие. Все, что мы знаем о мире, производится нашим умом (*intellectus*), который и производит формы. Эти формы помогают узреть сущность в окружающей материи и предстают в облике понятийного формального мира, т.е., в принципе, мы вообще не можем понимать материю саму по себе, материя без формы – это «ничто» по Аристотелю. «Что-то» – это всегда форма, и все, что мы понимаем, тоже форма. Другое дело, что в нашем мире форма неразрывно связана с материей. В мире всегда есть «что-то», и это «что-то» из чего-то состоит. Аристотель сказал бы, что в том настоящем времени, где мы постоянно себя обнаруживаем, есть две причины: материальная (из чего состоит) и формальная (что это такое). Всякий раз, когда мы отвечаем на вопрос, что это такое, мы стремимся обнаружить некую истину. Но этого мало, потому что необходимо еще знать не только, что это такое, но и из чего это состоит. Этим, по Аристотелю, и отличается наш интеллект от интеллекта бога. Бог познает только формы, а мы познаем формы в материи. Чистый интеллект – это форма, поэтому Аристотель определяет Бога – как «форму форм», форму, которая познает другие формы. Только Бог вообще не познает материю. По Аристотелю, он познает только формы и потому знает сущность каждой вещи. Это объясняется тем, что изменчива только материя, а форма неизменна. Бог знает человека как форму, а мы способность нашего формообразующего ума направляем на познание материальных объектов, т.е. мы по-

знаем через форму, но воспринимается она как единая с материей. Хотя интеллект и работает с чистыми формами, но у нас он направлен на соединение формы и материи.

Подобное соединение далеко не случайно. Согласно Аристотелю, человек, собственно, есть существо, которое определено к познанию и постижению истины. Как существа познающие, мы не можем не познавать. Как сказал Аристотель в начале «Метафизики», «доказательство тому – влечение к новым восприятиям: ведь независимо от того, есть ли от них польза или нет, их ценят ради них самих» [2, с. 65]. Ребенок получает знания, осваивая новые впечатления. Человек не может сказать, что, к примеру, с завтрашнего дня он не будет ничего познавать. Общаясь с друзьями, говоря с кем-то, читая книгу, он осуществляет познание. Но познание всегда нацелено на истину. Наш разум устроен так, что он познает, в первую очередь, истину, поэтому в некоем плане, говорит Аристотель, «исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко» [2, с. 94]. Легко, когда мы не задумываемся над основными вопросами, а трудно, когда мы начинаем исследовать истину во всей полноте.

Полное знание по Аристотелю – это знание четырех причин. Помимо настоящего времени есть также прошлое и будущее. Истина есть всегда, не только в настоящем, она есть в прошлом, и она будет в будущем. Неверно считать, что вчера истины не было, а потом истина появилась. И неверно считать, что истины нет сегодня, но обязательно будет завтра, ведь возникнет вопрос: «Откуда она возьмется?» Истина есть всегда, но не всегда мы ее знаем. Не всегда наш ум (*intellectus*) находится в состоянии соответствия (*adaequatio*) с той вещью, на которую он направлен.

Познавать истину означает также приводить свой интеллект в состояние соответствия (*adaequatio*), т.е. становиться адекватными той сущности, которой мы являемся, сущности ума, познающего истину. Но более того, это означает необходимость выйти за пределы своего рода «самообмана чувств». Истина у Аристотеля имеет чисто интеллектуальный характер. Истина постигается, по большому счету, только умом. Но она должна находить подтверждение при помощи чувственного опыта, в этом состоит основное различие учения об истине у Аристотеля и у Платона. По Платону для начального постижения истины необходим ум в своей чистой стихии – идеальности. Но сама истина, по Платону, есть то, что превышает ум, ум – это еще не вся истина. Аристотель, наоборот, связывает истину исключительно с умом. Истина есть результат логических построений и доказательств ума. Для

того чтобы удостовериться в истине, необходимо, с одной стороны, соблюдать правила и законы логики, а с другой стороны, следить, чтобы высказывания логики соответствовали сущности познаваемой вещи, которая является единством материи и формы, т.е. соответствовали реальному положению дел.

Аристотель говорит, что мы можем говорить об истине в двух смыслах – относительной (когда складываются разные мнения о ней в истории мысли) и абсолютной (которая от мнений не зависит, являясь истиной сама по себе). Абсолютная истина связана с полным познанием при помощи ума истинного положения дел.

Помимо логической непротиворечивости и метафизического постоянства сущности, независимого от изменений и познаваемого умом, у Аристотеля есть еще один важный аспект в его учении об истине. Как уже было сказано, мы не знаем истины, не зная причины того или иного положения дел. Причин, по Аристотелю, может быть всего четыре: связанные с настоящим временем формальная и материальная причины. С прошедшим положением дел связана действующая причина, когда мы знаем «откуда это взялось?». И, наконец, последняя и главная причина – это целевая, отвечающая на вопрос «зачем это нужно?». Вот поэтому концепция истины у Аристотеля может быть названа телеологической.

Аристотель определяет философию как знание об истине, потому что истина есть цель любого умозрительного знания. А знание истинное есть знание первых причин всего, что существует. Постигание первопричин сущего и раскрывает, по Аристотелю, область истины как сферу исследования философии.

УДК 16:61

ФИЛОСОФИЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВЫБОРА: ПРИНЯТИЕ МЕДИЦИНСКИХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Статья посвящена осмыслению гуманитарно-медицинских дискуссий о такой многомерной проблеме, как отношения врача и пациента. Последовательная реконструкция социологических, антропологических и этических аспектов этой проблемы позволяет также обнаружить и ее философское ядро, которое сконцен-

Список литературы

1. *Брентано Ф.* О многозначности сущего по Аристотелю. СПб., 2012. 247 с.
2. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63–367.

Form, Intellect and Teleology in Aristotelian Doctrine of Truth

V. G. Kosykhin

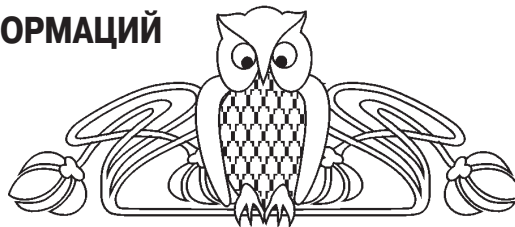
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

The article examines the classical Aristotelian concept of truth as the correspondence of knowledge knowable subject. Under this concept, the complex structure of the truth as consisting of logical, causal and metaphysical aspects is demonstrated. The concept of truth is revealed through analysis of the relationship of these aspects within a holistic picture of philosophy of Aristotle. The connection of truth with the categories of logic, the notion of essence as unity of matter and form, with the teachings of Aristotle about the mind and God's mind is emphasized. The article criticizes the views of F. Brentano, his analytical approach to the Aristotelian notion of truth. The meaning of the causal and teleological conceptions for understanding the place of truth in Aristotle's philosophy is identified.

Key words: truth, essence, mind, reason.

References

1. Brentano F. *On the Several Senses of Being in Aristotle.* Berkeley, 1976, 197 p. (Russ. ed.: Brentano F. *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelyu.* St.-Petersburg, 2012. 247 p.).
2. Aristotle. *The Metaphysics.* New York, 1999. 528 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Metafizika.* Aristotel. Soch.: v 4 t. Moscow, 1976. Vol. 1. P. 63–367.).

трировано вокруг вопросов о принятии медицинских решений. Современные гуманитарно-медицинские исследования раскрывают диалоговую структуру этого процесса, вовлеченность в него как медицинских профессионалов, так и индивидов, не обладающих профессиональными знаниями. Предпринятый в статье